

Ганс Христиан Андерсен

Тернистый путь славы

В старой сказке говорится: «Тернист был путь славы для егеря Брюде; он хоть и достиг славы и почестей, но лишь после многих мытарств и бедствий». Многие из нас, конечно, слышали эту сказку в детстве, может быть, читали ее уже взрослыми и думали о своем никем не замеченном тернистом пути и о многих мытарствах. Сказка и действительность очень схожи; но в сказке счастливая развязка наступает здесь же, на земле, тогда как в действительности человек может рассчитывать на нее чаще всего лишь там, в жизни вечной и бесконечной.

Всемирная история — волшебный фонарь, показывающий нам на темном фоне жизни светлые образы благодетелей человечества, мучеников ума, пробиравшихся по тернистому пути славы. На этом фоне отражаются картины всех времен, всех стран, каждая — лишь на мгновение, но это мгновение охватывает всю земную жизнь человека с ее борьбой и победами. Взглянем же хоть на некоторых из длинного, бесконечного ряда мучеников, которому и не будет конца, пока держится мир.

Перед нами переполненный зрителями амфитеатр; «Облака» Аристофана отравляют толпу ядом остроумного издевательства. Со сцены осмеивают — и с нравственной, и с физической стороны — замечательнейшего мужа Афин, спасшего народ от тридцати тиранов, спасшего в пылу битвы Алкивиада и Ксенофонта, осмеивают Сократа, воспарившего духом выше богов древности. Сам он тоже в числе зрителей. И вот он встает со своего места и выпрямляется во весь рост — пусть видят хохочущие афиняне, похожа ли на него карикатура. Твердо, несокрушимо стоит он, возвышаясь надо всеми.

Сочная, зеленая, ядовитая цикута! Тебе служить эмблемою Афин, а не оливковой ветви!

Семь городов спорили о чести считаться родиной Гомера — после его смерти. А при жизни? Он проходил эти города, распевая свои песни ради куска хлеба; волосы его седали при мысли о завтрашнем дне! Он, могучий провидец, был слеп и одинок! Острый терн рвал в клочья плащ царя поэтов.

А песни его живут и поныне, и в них одних живут древние боги и герои.

Картина за картиною выступает на темном фоне; в одной отражается восток, в другой — запад, в одной — седая древность, в другой — недавнее прошлое; но, несмотря на все различие их по времени и месту, все они изображают одно — тернистый путь славы, на котором терн зацветает лишь к тому времени, когда нужно украсить цветами могилу.

В тени пальм движутся верблюды, нагруженные индиго и другими драгоценными товарами; они посланы владетелем страны в дар тому, чьи песни — радость народа, слава страны, тому, кого зависть и клевета изгнали из родной страны. Караван приближается к маленькому городку, где певец нашел убежище; из города выносят навстречу каравану бедный гроб. Хоронят как раз того, кого ищет караван: Фирдоуси. Тернистый путь славы пройден им до конца!

На мраморной лестнице дворца в столице Португалии сидит негр с грубыми чертами лица, с толстыми губами и черными жесткими волосами и просит милостыню. Это — верный раб Камозэнса; без него и без тех грошей, что бросают ему прохожие, господин его, «певец Лузиады», умер бы с голода.

Теперь над могилою Камозэнса — великолепный памятник.

Еще картина.

За железную решетку виднеется человек: лицо его бледно, длинная борода всклокочена. «Я сделал величайшее открытие! — кричит он, — а меня больше двадцати лет держат в заключении!» Кто он? «Безумец! — говорит сторож. — Чего ведь не взбредет на ум человеку. Он воображает, что можно двигаться вперед силою пара!» Это Саломон де Ко, открывший силу пара, но не

сумевший растолковать неясно брезжившей в его уме идеи могущественному Ришелье.

Несчастный провел весь остаток жизни в сумасшедшем доме.

Вот Колумб ! Над ним глумились когда-то даже уличные мальчишки — он ведь хотел открыть Новый Свет! Он и открыл его! И звон колоколов встречает торжественный въезд его, но колокола зависти скоро заглушают этот звон, и вот того, кто открыл Новый Свет, как бы поднял золотой Американский материк со дна моря и подарил его своему королю, — награждают железными цепями! Он велит положить их с собою в гроб, как знаменательное выражение благодарности света и современников.

Картина сменяет картину; никогда не пустеет тернистый путь славы!

Вот в глубоком мраке сидит тот, кто измерил лунные горы, кто как бы пронизал мировое пространство своим острым духовным взором, уловил могучим умом «сокровенное» природы, понял, что земля движется под ним, — Галилей. Слепой, глухой старец как бы пригвожден к месту колючками терна — так терзает его отречение. Теперь он не в силах даже поднять ногу, которую когда-то, в минуту душевной боли, при виде попираемой истины топнул о землю и вскричал: «А все-таки она движется!»

Вот стоит женщина, дитя душою, исполненная божественного восторга и веры; знамя несет она перед воинствующей ратью и дарует своему отечеству победу и спасение. Раздаются крики ликования, и зажигается костер: Жанну Д'Арк, колдунью, сжигают. А следующие поколения забрасывают белую лилию грязью: Вольтер, сатир остроумия, воспекает «La pucelle».

Вот в Виборге датское дворянство сжигает законы короля. Они горят ярким пламенем, освещая эпоху и самого законодателя, отбрасывая сияние вовнутрь мрачной темницы, где он сидит седой, согбенный, проводя пальцем борозду вокруг каменного стола. Это он — некогда повелитель трех северных государств, любимец народа, друг крестьян и граждан — Христиан Второй. Суровая была в нем душа, да и в суровое время жил он. Враги писали его историю. Но мы, вспоминая его кровавые деяния, припомним и двадцать семь лет его заключения.

От берегов Дании отплывает корабль; прислонясь к высокой мачте, стоит человек и бросает прощальный взгляд на остров Вэн. Это Тихо Браге. Он вознес имя Дании к звездам и вознагражден за то обидами и огорчениями. Теперь он отплывает в чужую землю, говоря: «Небо есть везде, чего же мне больше?» Он отплывает из родной земли, наш знаменитейший муж; в чужой земле ждут его почести и свобода.

«Ах свобода... свобода — хотя бы от невыносимых страданий тела!» — долетает до нас стон из глубины времен. Это что за картина? Гриффенфельд (Знаменитый государственный деятель (1635—1699), провел в заключении 22 года. — Примеч. перев.), датский Прометей, прикованный к скалисту острову Мункгольму!

Мы в Америке, у одной из больших рек; по берегам толпится народ; сейчас должен поплыть корабль против течения и ветра, преодолевая сопротивление стихий. Роберт Фултон верит в возможность этого. Корабль трогается, и вдруг — стоп! Толпа хохочет, свищет, в том числе и отец самого Фултона. «И поделом тебе, гордец, безумец. Под замок сумасброда!» Но вот маленький гвоздик, остановивший на минуту движение машины, ломается, колеса вертятся, лопасти преодолевают сопротивление волн, и корабль плывет! Паровой челн превращает часы в минуты, проплывая расстояния между землями с неведомою доселе быстротой.

Род человеческий! Понятно ли тебе блаженство такой минуты — высокого просветления духа, сознания им своей миссии, минуты, когда все истязания, претерпенные на тернистом пути славы, становятся целебным бальзамом, дающим здоровье, силу и ясность, когда дисгармония становится гармонией, и люди видят откровение Божье, данное одному, а через него ставшее достоянием всех? Тернистый путь славы опоясывает землю сияющею лентой; блаженны избранные, идущие по нему,

без заслуг поставленные на этот мост, созданный Великим Зодчим, чтобы соединить землю с небом.

На мощных крылах несется дух истории через тьму времен и показывает нам, чтобы ободрить, утешить нас, пробудить в нас кротость, сияющие на черном фоне тернистого пути славы яркие картины. Путь этот не завершается, как в сказке, блеском и радостью здесь же, на земле, но ведет туда, в жизнь вечную и бесконечную.